

Кислякова Евгения Юрьевна, Соломина Виктория Владимировна

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ТРИАДА "СВОЙ - ЧУЖОЙ - ИНОЙ" В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Статья раскрывает содержание концептуальных понятий "свой, чужой, иной" с философских и психологических позиций. В работе акцентируется, что концептуальная триада "свой - чужой - иной" представляет собой сложное, многомерное ментальное образование, которое отражает способы интерпретации действительности, основываясь на двойной актуализации амбивалентного компонента "свой" в его противопоставлении амбивалентным понятиям "чужой" и "иной".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/3/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). С. 72-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

набору когнитивных методов, так и логике и когнитивным методам уже включенных в систему знания. Такая открытая система знания позволяет получать даже такую информацию и знания о мире, которые не были получены и помещены в систему знания. Однако система знания принадлежит субъективной действительности и зависима от сознания.

Возможно, наш разум вносит только правила структурирования в процесс формирования знания, в то время как знание в его специфической структуре и форме появляется в процессе взаимодействия с внешним миром.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 263 с.
4. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 40.
5. Doctorow E. L. False Documents // American Review. 1977. № 29. P. 231-232.
6. Nisbet R. Social Change and History: Aspects of the Western Theory of Development. Oxford: Oxford University Press, 1969.
7. Vendler Z. Say What You Think // Studies in Thought and Language / ed. by L. Cowan. Tucson (Arizona): The University of Arizona Press, 1970. P. 79-98.

METAPHOR AS POWERFUL LINGUISTIC INSTRUMENT TRANSFORMING REALITY INTO IMAGINARY WORLD

Larisa Valentinovna Kalashnikova, Doctor in Philology, Professor
Department of Foreign Languages
Orel State Agrarian University
lkalashnikova@inbox.ru

The article reveals the ability of metaphor to transform unknown reality into a well-known one. This is the most powerful linguistic instrument of transforming the reality into the world capable of adapting to a man's goals and tasks.

Key words and phrases: communicative-cognitive structures; metaphor; linguistic instrument; cognitivism; generalized knowledge; cognition process; perception; representation systems; sensory experience; subjective reality.

УДК 81

Статья раскрывает содержание концептуальных понятий «свой, чужой, иной» с философских и психологических позиций. В работе акцентируется, что концептуальная триада «свой - чужой - иной» представляет собой сложное, многомерное ментальное образование, которое отражает способы интерпретации действительности, основываясь на двойной актуализации амбивалентного компонента «свой» в его противопоставлении амбивалентным понятиям «чужой» и «иной».

Ключевые слова и фразы: концептуальная триада; свой; чужой; иной; другой; оценочная амбивалентность понятия; концептосфера; категоризация своего, чужого, иного.

Евгения Юрьевна Кислякова, к. филол. н., доцент
Кафедра английского языка
Волгоградский государственный педагогический университет
kisjen@rambler.ru

Виктория Владимировна Соломина
Институт иностранных языков
Волгоградский государственный педагогический университет
vsolomina@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ТРИАДА «СВОЙ - ЧУЖОЙ - ИНОЙ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]

В фундаментальной структуре соотношения человека с миром человек признается объективно существующей отправной точкой всей системы координат - в отношении к другому человеку и в осознании самого

себя как реального индивида [11]. При этом одним из главенствующих факторов в процессе становления языковой личности является оппозиция «свой - чужой», имеющая непосредственное влияние на формирование идентичности, выраженной средствами языка [13]. Данная оппозиция выделяется в концептосфере человека говорящего как оценочная концептуальная диада, имеющая специфические характеристики и представляющая собой особый тип концептов - амбивалентные бинарные ментальные образования, являющиеся «своеобразными индикаторами осмысления и категоризации мира по принципу “свое-чужое”» [4].

Очевидно, что оппозиция «свой - чужой» пронизывает все аспекты межличностного общения как при внутрикультурной, так и при межкультурной коммуникации; на ее основе может реализовываться одна из альтернатив. В первом случае оппозиция «свой - чужой» остается более или менее константной рамкой восприятия, под влиянием которой личность и далее взаимодействует с другими коммуникантами, в этом случае *чужое* интерпретируется как враждебное, несущее потенциальную угрозу, и результаты восприятия осмысляются в парадигме «угроза - опасность - осторожность - настороженность - антипатия - ксенофобия». Это чужое является источником неопределенности, опасности, которая заключается именно в этой неопределенности - я не знаю, как *чужой* может повести себя. В этом случае чужое является аксиологически значимым компонентом коммуникации.

Во втором случае оппозиция «свой - чужой» трансформируется в оппозицию «свой - другой»: здесь *чужое* воспринимается как иное, т.е. не несущее потенциальной опасности и результаты познания мира трактуются в парадигме «любопытство - интерес - симпатия - восхищение - константное доброжелательное и уважительное отношение». Следовательно, можно утверждать, что в подобных случаях личность характеризуется и когнитивной и коммуникативной гибкостью, в силу чего эта личность может строить взаимодействие с другими коммуникантами более вариативно, а значит, более успешно [2]. Таким образом, эмоционально-оценочная энантиосемия понятия «чужой» индуцирует трехчастное видение коммуникативной ситуации с позиции своего, чужого и иного, что позволяет нам интерпретировать данную лингвистическую проблему в терминах концептуальной триады «свой - чужой - иной», функционально маркированной как абстрактный конструкт, актуализирующийся в когнитивной сфере языковой личности в виде доминантных категоризованных оценочных отношений (свой - хорошо, чужой - плохо, иной - любопытно, интересно).

Феномен «свой - чужой - иной» представляет собой универсальные архетипические смыслы [14], присущие человеческому обществу на каждом этапе его исторического развития. Поэтому представляется целесообразным выявить онтологические характеристики свойственности, чуждости и инакости, которые будут составлять понятийную основу определяемой триады и задавать функциональные признаки ее компонентов.

Обратимся к теоретико-методологическим предпосылкам изучения своего, чужого и иного. Стоит отметить, что проблематика межгрупповых отношений в разной мере изучается различными дисциплинами, направлениями и школами психологической науки и уже существует много теорий и объяснений взаимодействия «своих» и «чужих». В частности, в учении З. Фрейда феномен межгрупповой агрессивности, способствующей внутренней сплоченности группы и дискриминации других, трактуется с помощью идеи Эдипова комплекса, суть которого заключается в следующем: так же, как и в соперничестве с матерью или отцом, в позитивных эмоциональных интимных связях между двумя людьми, по мнению З. Фрейда, всегда имеется вытесненная враждебность, и то же самое происходит, когда люди объединяются в большие единицы. Например, каждый из двух соседних городов становится недоброжелательным соперником другого. Родственные, близкие между собой народные ветви отталкиваются друг от друга: южный немец не выносит северянина, англичанин клеветает на шотландца, испанец презирает португальца и т.д. Примером могут служить многочисленные английские анекдоты про шотландцев, высмеивающие их чрезмерную бережливость:

«На улице играют дети. Вдруг из домика, где живет шотландская семья, слышится: - Генри, мой мальчик! Немедленно сними панамку! Сейчас слишком жаркое солнце, и новая панамка может сильно выгореть!».

Вражда к чужим стабилизирует общество, снимает межклассовые противоречия - «пусть я жалкий, заданный долгами и воинской повинностью плебей, но зато я римлянин, имею свою долю в общей задаче покорять другие народы и предписывать им законы» [17, с. 134].

По мнению Фромма, «для среднего человека нет ничего тяжелее, чем чувствовать себя одиноким, не принадлежащим ни к какой большой группе, пытаясь же избежать одиночества и достигнуть позитивного самоощущения за счет такой групповой идентификации, он сообщает группе собственную нарциссичность, завистливость, мстительность и т.п. черты характера, так что индивидуальный нарциссизм становится групповым и действует схема: «мы» достойны восхищения - «они» достойны презрения, «мы» добры - «они» злы. Более того, человеческое существо, по Фромму, заключается в «выброшенности» из природы, что порождает чувство одиночества. «Необходимость единства с другими живыми существами, связанности с ними, является наисущественнейшей потребностью, от реализации которой зависит психическое здоровье человека» [16, с. 126].

Это не физическое, а моральное одиночество. Моральная изоляция индивида приводит к психическому расстройству или самоубийству. «Созидание жизни означает трансцендирование своего статуса как тварного существа <...> Желание достичь слияния с другим человеком - самое сильное человеческое стремление. Невозможность достичь этого приводит к безумию и разрушению: самоуничтожению или уничтожению других» [5, с. 105].

Внутригрупповая коммуникация усиливает внутреннюю кооперацию и внешнюю изоляцию: группа вырабатывает свой собственный условный язык, системы действий и руководящие ими нормы. Развитие

общества плюралистичны - человек в них может присутствовать одновременно в нескольких социальных мирах, быть подключенным к разным каналам коммуникации, вследствие чего его восприятие «других, иных» становится более толерантным.

Рассмотрим следующий текстовый пример, подтверждающий приведенный выше тезис: *«По-моему, он дурак! Лора возмутилась: Просто Джи Кей - типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому. Большинство из них - принципиальные оптимисты...»* (Довлатов С. Д. Иностранка). В данном текстовом фрагменте проиллюстрирована оценочная модель «свой (-) - иной, другой (+)», поощряющая чужое коммуникативное поведение и наделяющая его новыми ценностными характеристиками, релевантными для трансформирования сферы Свой (-) в Свой (+): «Я буду тоже относиться к жизни оптимистично, и это будет правильно».

Следуя теории социальной идентичности Тэджфела, оценивая свою группу, индивид сопоставляет ее с другими, сравнивая ценностно-значимые качества и характеристики, при этом положительное отличие своей группы от других порождает повышенный престиж и отрицательное - пониженный. Тем самым, желая повысить положительную самооценку, члены группы стремятся к демонстрации достоинств своей группы, что порождает внутренний фаворитизм и внешнюю дискриминацию [18].

Проблема межличностных отношений, позиционирование себя в своем внутреннем мире и в мире других людей активно исследуется в философии.

К интересным выводам пришел в своих исследованиях крупный русский философ, религиозный мыслитель и психолог С. Л. Франк. Полагая в основу русского философского мышления религиозную этику, С. Л. Франк связывал это с общинным чувством, которым проникнуто русское мировоззрение. По Франку, «...русским мыслителям совершенно чуждо представление о замкнутой на себе самой индивидуальной личностной сфере. Их мотив - связь всех индивидуальных душ, всех «Я» так, что они выступают интегрированными частями сверхиндивидуального целого, образуя субстанциональное Мы» [15, с. 56]. Если западное мировоззрение исходит из Я, индивидуального сознающего бытия, которое есть единственное и последнее основание всего прочего, замкнутое на себе и непроницаемое для чужих, то для русской мысли - Мы есть последнее основание жизни духа и его сущности [5, с. 121]. В данном примере раскрывается культурная специфика русского народа и определяется его большая предрасположенность к единению, желанию стать своим и реализовать такие доминантные смыслы, как «свой среди своих» и «свой среди чужих» [12]. В этом, на наш взгляд, заключается принципиальная разница русского и западного мировоззрений, что необходимо учитывать при анализе языкового материала на примере русского и любого из западноевропейских языков, в частности, английского.

Таким образом, при рассмотрении сущностных характеристик теоретико-методологического аспекта проблемы «свой - чужой» с позиции психологии и философии мы пришли к выводу о том, что, несмотря на различие лингвокультур, сфер обитания и т.д., общим, универсальным для всех групп людей остается сохранение негативного отношения к «чужому», если в пределах одной группы или «своих» утверждается относителное согласие, являющееся следствием принятых в группе норм (обычаев и традиций), то в отношении аутгруппы, или «чужих», напротив, наблюдается борьба, несогласие, изоляция и отчуждение, так как все чужое воспринимается и оценивается, исходя из закреплённых в культуре ингрупповых стереотипов.

Однако возможна смысловая деривация понятия «чужой», сопровождающаяся актуализацией нейтральной или мелиоративной семы «иной, другой», коннотирующей, в свою очередь, целый кластер эмоций: «любопытство - интерес - симпатия - восхищение - константное доброжелательное и уважительное отношение». Следовательно, рассматриваемая концептуальная триада объективирует амбивалентное оценочное отношение к проблеме своего, которое представляет собой дуальное понятие в силу возможности его включения в следующие оценочные оппозиции:

Свой (+) - Чужой (-)

Свой (-) - Иной (+) / Свой (+) - Иной (-)

В первой оппозиции «свой - чужой» отрицательный оценочный вектор направлен на чужое, во второй оппозиции «свой - иной» - на свое, поскольку осознание иного позволяет рассмотреть свое и себя самого как нечто другое, подвергаемое самоанализу и самокритике, что может завершаться либо приговором самому себе / своей группе / сообществу, либо поощрением, что отражено в третьем варианте оппозиции. Однако, следует отметить, что в последнем случае отрицательное «иное» подвергается отчуждению / отторжению и трансформируется в первую оппозицию: Свой (+) - Чужой (-). Рассмотрим следующий англоязычный пример:

Now, there's another thing I've noticed about this country, Miriam, in the few days I've been home. You can take the temperature of a nation from the way it drives a car, and something has changed in Britain in the last few years. Remember I've been in Italy, the homeland of aggressive drivers. I'm used to that. I'm used to being cut up and overtaken on blind corners and sworn at <...> if I'm going too slowly. I can handle it. It's not serious, for one thing. But something similar has started to happen here - only it's not that similar really, there's an important difference: here, they really seem to mean it (Jonathan Coe. The Closed Circle).

В данном текстовом фрагменте имеет место эмоционально-оценочная интерпретация современной ситуации на европейских дорогах, в частности, в Италии и Великобритании. Главная героиня, Клара, подвергает критике поведение водителей, и процесс анализа зиждется на сопоставлении культур в парадигме «свой - чужой - иной». На первом этапе героиня сравнивает агрессивный стиль вождения итальянцев с тем, который она когда-то наблюдала на своей английской родине, при этом свои дорожные традиции *a priori*

маркированы как правильные, эталонные, что позволяет героине отрицательно оценить чужую культуру в рассматриваемом аспекте (*the homeland of aggressive drivers*). Однако далее Клара обнаруживает еще большую агрессию и злость в манере поведения водителей на дорогах своей родной страны, что заставляет ее изменить свое первоначальное мнение на прямо противоположное: «свое» получает пейоративную оценку, оно начинает сравниваться с болезненным состоянием, что подтверждается метафорическим оборотом *take the temperature of a nation*, и, кроме этого, «свое», как нечто злое, несущее опасность, наделяется презрительным оценочным отношением, вербализованным в компаративной структуре *only it's not that similar really, there's an important difference: here, they really seem to mean it*. При этом переосмысленное отрицательно окрашенное «свое» противопоставляется положительному «иному», представляющему собой идеальный образ водителя в сознании героини.

Возможность рефлексивной деятельности в отношении «своего» с позиции «иного» вытекает из различных философских концепций, в которых признается неоспоримая важность Другого в самопознании и, в целом, в познавательной деятельности индивида. Категория Другого является конституирующей по отношению к структуре субъективности. Методологический статус «другого» в познании человека мира и себя в этом мире четко сформулирован Ж.-П. Сартром: «В самом деле, появление другого необходимо больше не для конституирования мира и моего эмпирического «эго», а для самого существования моего сознания как самосознания» [10, с. 259]. По Сартру, Другой как бы объективирует Эго, превращая его из субъекта познания в объект. Благодаря появлению Другого человек в состоянии судить о себе. Это значит, что отношение данного моего «Я» к другому «Я» опосредовано его отношением ко мне как к субъекту, т.е. мое бытие как субъекта для меня самого имеет своей необходимой предпосылкой мое бытие как объекта для другого.

Философский аспект проблемы иного, другого акцентирует важность этого феномена в познании человеком мира и себя в этом мире, так как именно Другой является необходимым условием конституирования самосознания каждого индивида [11]. Смысл слова «другой», как его понимает Э. Гуссерль, заключается в том, что это «Я сам, конституированный внутри своей собственной исходно-первичной сферы» [3, с. 98]. Роль Другого в формировании сознания состоит, по мнению М. М. Бахтина, в следующем: «У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [1, с. 312].

В связи с вышеизложенным, позиция «иного» должна быть неотъемлемым компонентом концептуальной триады «свой - чужой - иной», поскольку в определенных коммуникативных ситуациях «иное» становится доминантным смыслом, нейтрализуя пейоративную окраску «чужого» и высвечивая особые признаки «своего», оценочно соотнесенные с признаками «иного».

Постструктуралистская концепция Другого объясняет природу иного как бессознательное явление. Представление о контакте с Другим как единственно возможном способе существования и самовыражения личности получило особенно сильное развитие во французской психологии. В понимании Ж. Лакана, Другой является составным и формообразующим элементом субъективности. Главнейшей структурой строения человека, настаивает Ж. Лакан, является «связь эго с Другим, отношение субъекта к другому себе, к подобному, через отношение, к которому он с самого начала был сформирован» [6, с. 72]. В концепции Ж. Лакана, собственное «Я» устанавливается в отнесенности к Другому, оно является его коррелятом.

В современных исследованиях значимость этой категории определяется тем, что категория Другого определяет «способ нашего присутствия в мире, горизонт вещей, желаний, наших тел» [8, с. 46]. Действительность Другого состоит в неустранимом наличии мысли о Другом. «Как мысль, другой реален, как действительность он есть только мысль» [9, с. 234].

Резюмируя основные положения, постулирующие сущностные характеристики философского феномена Другого, французский философ Э. Левинас ставит на повестку своего интеррогативного дискурса проблему инакости как бытие Эго, которое в процессе познания постоянно высвечивает Другое и присваивает его себе. Такую деятельность он трактует как эгологически синтезирующую, поскольку если «изначально «инаковость» другого лица проявляется на логическом уровне коммуникации как часть целого *vis-a-vis* других, в пределах которого каждый выступает другим для другого», то далее «...через лицо Другого, через его смертность, все, что в этом Другом не имеет отношения ко мне, - указывает Левинас, - имеет ко мне такое отношение и затрагивает меня» [7]. Следовательно, представляется возможным говорить об эгологической функции языка и коммуникации в целом, инспирирующей познание себя самого через иное.

Подводя итоги, отметим, что концептуальная триада «свой - чужой - иной» представляет собой сложное, многомерное ментальное образование, которое отражает способы интерпретации действительности, основываясь на двойной актуализации амбивалентного компонента «свой» в его противопоставлении амбивалентным понятиям «чужой» и «иной».

В связи с признанием посреднической функции языка в процессах категоризации и концептуализации уместно задаться вопросом, с помощью каких парадигм языковых средств и в диапазоне каких языковых категорий язык отражает бинарность мировосприятия и миропонимания, выраженную в смысловых дихотомиях «свой - чужой», «свой - иной». Данная лингвистическая проблема составляет перспективу нашего исследования.

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. **Гришаева Л. И.** Аккультурация как трансформация оппозиции «свой» - «чужой». Волгоград: Перемена, 2003. 36 с.
3. **Гуссерль Э.** Картезианские медитации // Гуссерль Э. Собр. соч. / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 4. 141 с.
4. **Кишина Е. В.** Метафорическое наполнение концептуальной диады «свой - чужой» в тоталитарном политическом дискурсе // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сборник статей / отв. ред. М. В. Пименова. Санкт-Петербург - Горловка: Изд-во ГТШИЯ, 2010. С. 452-458.
5. **Корчак А. С.** Философия Другого «Я»: история и современность. М.: ЛЕНАНД, 2006. С. 216.
6. **Лакан Ж.** Семинары / пер. с фр. М. Титовой, А. Черноглазова. М.: ИТДГК «Гнозис»; Издательство «Логос», 1998. Кн. I. Работы Фрейда по технике психоанализа. 432 с.
7. **Левинас Э.** Диахрония и репрезентация (Diachronie et representation) [Электронный ресурс]: доклад, прочитанный Э. Левинасом 20.10.1983 в университете г. Оттавы (Канада) в рамках конференции «В поисках смысла», посвященной творчеству Рикера. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 25.04.2011).
8. **Подорога В. А.** Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. 426 с.
9. **Попов Б. Н.** Другой в современной философии. Псков, 2001. 228 с.
10. **Сартр Ж.-П.** Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2004. 639 с.
11. **Семенова Т. И.** Методологический статус другого и его роль в концептуализации внутренней сферы человека // Этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. Иркутск: ИГЛУ, 2008. С. 169-185.
12. **Соломина В. В.** Языковая объективация смыслового поля «свой - чужой» лексическими средствами английского и русского языков // Вестник студенческого научного общества / сост. С. А. Комиссарова, О. З. Набибулина. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. № 26. С. 195-198.
13. **Сынбулатов И. В.** Оппозиция «свой - чужой» и модель омонии «иерархия идентичностей» // Язык и сознание: психолингвистические аспекты: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. М. - Калуга: Эйдос, 2009. С. 290-292.
14. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 87 с.
15. **Франк С. Л.** Душа человека: опыт введения в философскую психологию // Предмет познания. Душа человека. СПб.: Наука, 1995. 655 с.
16. **Фромм Э.** Бегство от свободы // Человек для себя / пер. с англ. Д. Н. Дудинский. Н. Н.: ООО «Попурри», 1998. 672 с.
17. **Шипилов А. В.** Свой, чужой и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 63 с.
18. <http://www.psychological.ru>

**CONCEPTUAL TRIAD “ONE’S - SOMEBODY ELSE’S - OTHER» IN ENGLISH AND RUSSIAN:
THEORETICAL-METHODOLOGICAL ASPECT**

Evgeniya Yur'evna Kislyakova, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of English Language
Volgograd State Pedagogical University
kisjen@rambler.ru

Viktoriya Vladimirovna Solomina
Institute of Foreign Languages
Volgograd State Pedagogical University
vsolomina@rambler.ru

The article reveals the content of the conceptual notions “one’s, somebody else’s, other” from philosophical and psychological positions. The authors emphasize that the conceptual triad “one’s, somebody else’s, other” is a complex, multi-dimensional mental construction which reflects the ways of reality interpretation basing on the double actualization of the ambivalent component “one’s” in its opposition to the ambivalent notions “somebody else’s” and “other”.

Key words and phrases: conceptual triad; one’s; somebody else’s; other; different; estimating ambivalence of notion; conceptual sphere; categorization of one’s, somebody else’s and other.